

«Мой парень».

Это слово, полное едва уловимых нюансов, пробудило в душе Цэнь Сяо давно забытый трепет.

Пользуясь ночным сумраком, он нежно прикусил губу Ли Жуна, глядя сквозь пряди волос в его затуманенные, полные неги глаза.

Ли Жун бывал разным: иногда он казался воплощением спокойствия и рассудительности, а иногда в нём просыпалась какая-то бесшабашная, почти безумная смелость. Как, например, сейчас — прямо здесь, на оживлённой улице, под светом вечерних огней, он поддался мимолётному порыву. Просто ухватил Цэнь Сяо за воротник, притянул к себе и коснулся его губ в той самой привычной, любимой ими обоими манере.

В это мгновение Цэнь Сяо чувствовал: Ли Жуну всё равно.

Шелест листвы, спешащие мимо прохожие, тусклый свет фонарей — всё это казалось юноше лишь пылью. Никто и ничто не могло помешать ему сделать то, что он хотел. Подобная властность и дерзость обычно были присущи ему самому.

Он с неохотой отстранился от губ Ли Жуна. Его веки дрогнули, он осторожно убрал упавшую на глаза юноши прядь волос и через мгновение снова накрыл его рот поцелуем — на этот раз куда более властным.

— Как ты меня назвал? — прошептал он.

Ли Жун тяжело дышал; его губы припухли и покраснелись, в уголках глаз заблестела влага, но он всё равно усмехнулся.

— И не надейся... — ответил он прерывисто. — Я знаю, что ты всё прекрасно слышал.

После перерождения он окончательно распрощался со стыдливостью. Ему не было неловко называть Цэнь Сяо «своим парнем», он просто не хотел давать тому повод лишний раз торжествовать. Дай ему палец — он и всю руку откусит.

Цэнь Сяо был крепче, его дыхание не сбилось. Пока Ли Жун жадно хватал ртом воздух, восстанавливая силы, он с напускным безразличием спросил:

— Творишь что хочешь прямо на глазах у всех. Не боишься, что нас увидят?

Ли Жун облизнул нижнюю губу, коснулся своим носом носа Цэнь Сяо и медленно открыл глаза.

Встретившись с ним взглядом, юноша сглотнул; мышцы его горла напряглись. Его пальцы сжали воротник Цэнь Сяо, касаясь костяшками ключиц, и сквозь холодную кожу он мгновенно ощутил жар кипящей в жилах крови.

Он прищурился и произнёс, чеканя каждое слово:

— А разве ты сам... не ждал этого очень давно?

Его взгляд был чистым, как горное озеро, и полным такой обжигающей искренности, что любой, в чьей душе таилась хоть капля лукавства, не посмел бы смотреть ему в глаза.

Цэнь Сяо замер на несколько секунд, а затем негромко рассмеялся. Он легонько коснулся губ Ли Жуна своими и тут же отстранился. Прежде чем тот успел как-то среагировать, он повторил это движение снова. И снова.

После нескольких таких касаний испытующий взгляд Ли Жуна наконец смягчился. Словно ленивый кот, он полуприкрыл глаза, наслаждаясь этой лаской. Ему стало лень выяснять, ждал ли Цэнь Сяо поцелуя на людной улице или нет.

В такую же ночь в прошлой жизни, в «золотой клетке», которую Цэнь Сяо построил для него, он вышел из ванной, вытирая мокрое тело. Увидев широко распахнутые шторы, он, преодолевая усталость, в гневе и стыде бросился обратно в ванную.

— Задерни шторы! — кричал он тогда сквозь матовое стекло, стиснув зубы.

Цэнь Сяо же лениво вертел в руках пояс от его халата и небрежно бросал в ответ:

— Уже и этого не терпишь? А что, если бы мы были на улице...

— Заткнись! — яростно обрывал его Ли Жун.

Всё это казалось вчерашним днём.

Насладившись близостью, Ли Жун наконец отпустил измятый воротник Цэнь Сяо и отступил на шаг, осторожно касаясь кончиками пальцев своих пылающих губ.

— Я так жалею...

Цэнь Сяо нахмурился, поправляя одежду.

— О чём?

— О том, что не объединился с тобой раньше, — вздохнул Ли Жун. — Тогда бы всякий сброд не посмел творить такое у меня под носом.

Он упустил слишком много возможностей. И в этой жизни, и в прошлой. Он думал лишь о том, как использовать ресурсы Цэнь Сяо, но совершенно игнорировал информацию, которую тот мог ему дать. Из-за нежелания общаться между ними всегда была пропасть в знаниях.

Он знал о хитросплетениях интриг внутри «Хунсо», но и Цэнь Сяо наверняка понимал, что творится в Объединённой торговой палате «Ланьшу» и в Девятом районе. Но они никогда не говорили об этом, и их непонимание лишь росло, приводя к конфликтам.

Ли Жун невольно задумался: а не потому ли Цэнь Сяо так фанатично оберегал его в прошлой жизни, что о чём-то догадывался?

Двое школьников, решивших вместе «вершить дела» — это звучало бы натянуто, если бы не тот факт, что трагедия в семье Ли Жуна произошла всего девять месяцев назад. Они не потеряли слишком много времени.

Цэнь Сяо не увидел в словах Ли Жуна ничего странного. Напротив, он многозначительно ответил:

— Сейчас тоже не поздно.

В дни государственных экзаменов погода была на редкость благосклонна к ученикам: ни капли дождя, а небо затянуло легкой дымкой облаков, так что изнуряющей жары не было.

Ли Жун не забыл о своем обещании Цуй Минъяну. Перед экзаменами он подготовил учебные материалы и лично передал их юноше; разумеется, Линь Цинь и остальные тоже не остались обделенными.

Сейчас чувства Цуй Минъяна к Ли Жуну были крайне противоречивыми. Он помнил, как сильно ненавидел его раньше, но, возможно, из-за скорого окончания школы и того, что они выбрали разные специальности, былая неприязнь почти исчезла.

Он слышал о странном деле с кражей в Университете А и, видя, как скрытничают его родители, понял: Сюй Вэй, который так и не рискнул вернуться, замешан в чём-то очень

серьезном. И всё это выплыло наружу лишь из-за Ли Жуна. Точнее, из-за того, что Цуй Минъян когда-то неосторожно упомянул торговку с улицы.

Все, включая его родителей, считали, что Сюй Вэй действовал в своих корыстных целях, но Цуй Минъян думал иначе. С того момента, как он вскользь упомянул о краже той торговки, за каждым последующим событием маячила тень Ли Жуна.

Случившееся не могло быть простым совпадением; кто-то связал все ниточки воедино. Или даже сам руководил процессом.

От этих мыслей его бросало в дрожь. Он вдруг почувствовал небывалое облегчение от того, что поступает на юридический факультет, который никак не пересекается с биохимией, выбранной Ли Жуном.

Ему больше не придется вечно плестись за Ли Жуном, пытаясь его догнать. От этой мысли жизнь юноши сразу заиграла яркими красками.

На двадцатый день после экзаменов

Ли Жуну позвонили из приемной комиссии Университета А и попросили подтвердить выбор специальности для зачисления без экзаменов.

Ли Жун вошел в учебную систему и нашел код факультета биохимии. Несколько секунд он просто смотрел на экран.

Ему вовсе не нужно было тратить четыре года на бакалавриат. Всё, чему мог научить его университет, он уже знал. В его распоряжении были научные достижения, опережавшие весь мир на пять лет.

Но он не мог форсировать события. Даже понимая, что эти разработки могли бы спасти бесчисленные жизни уже сегодня. Ли Жун слишком хорошо знал, как тяжел труд ученого. Слава должна принадлежать тому, кто ее заслужил по праву. Никакое вмешательство здесь недопустимо. Признание — это топливо для прогресса, и он не имел права лишать страстных ученых заслуженных лавров.

А ему самому пришлось прервать любимые исследования, чтобы погрузиться в пучину интриг и заставить виновных платить по счетам. Впрочем, эта задача не вызвала у него отторжения.

Он ввел код факультета и нажал кнопку подтверждения.

Информация мгновенно улетела в приемную комиссию Университета А. Там царил настоящий хаос: сотрудники работали на износ, буквально забывая о том, что такое сон и отдых. Принтеры гудели без остановки, выдавая пачки горячих документов, которые тут же исчезали в руках вечно спешащих людей.

И вот в этом бурлящем муравейнике кто-то за своим рабочим столом методично обновлял страницу с данными Ли Жуна. Наконец, в одиннадцать часов пять минут на экране высветилась информация.

[Биохимия. Перераспределение не допускается]

На двадцать третий день после экзаменов стали известны результаты

Ли Жун вместе с Цэнь Сяо, Цзянь Фу и остальными пришел в школу за документами для поступления.

Едва завидев Линь Циня, Цзянь Фу порывисто притянул его к себе, по-хозяйски обхватив за шею.

— Я прошел! Прогреш по баллам! — вопил он от восторга.

Линь Цинь от такого удушющего приема лишь закатывал глаза и изо всех сил колотил его по руке. Он, казалось, вовсе лишился болевой чувствительности и не разжимал объятий.

— С теми льготами, что тебе дал Университет А, даже дебил бы поступил! — проворчал Линь Цинь, высвобождаясь.

Он недовольно цокнул языком и снова притянул Линь Циня к себе.

— Ты что, уже звездой себя возомнил? — поддразнил он. — Свысока на нас, простых смертных, смотришь?

Линь Цинь набрал очень высокие баллы и прошел в Академию киноискусства. Судя по результатам собеседования, он вполне мог стать лучшим абитуриентом этого года.

Линь Цинь поднял взгляд и обнаружил, что они стоят слишком близко — одно неловкое движение, и они коснутся друг друга. Он поспешно отвернулся и бросился к Ли Жуну.

— Староста, посмотри на него!

Цзянь Фу возмущенно выкрикнул:

— Мы школу окончили, он больше не староста! Что ты вечно ему жалуешься? Он мне не указ!

Он, вовлечённый в спор, не спеша отправил в рот кусочек йогуртовой палочки и усмехнулся:

— Я тебе, может, и не указ, а вот Цэнь Сяо — вполне.

Цзянь Фу осекся. Возразить было нечего. Зная, как сильно его брат потакает Ли Жуну, тот мог попросить о чём угодно, и Цэнь Сяо бы согласился. Это было странно, но факт оставался фактом.

Линь Цинь то и дело поглядывал на Цэнь Сяо и Ли Жуна, и спустя минуту его лицо почему-то залил румянец. Он поспешно отвел взгляд и негромко кашлянул:

— Вот именно! Пусти меня живо!

Юноша протянул йогуртовую палочку Цзи Сяочуань, которая сменила причёску и теперь открыла лоб, а затем с напускной строгостью сказал Цзянь Фу:

— Говорю же, не задирай Линь Циня. Его жалобы на тебя всегда достигают цели.

Цзянь Фу обернулся к Цэнь Сяо:

— Брат, ты это терпишь?

— Цепляют-то тебя, — невозмутимо отозвался тот. — С чего бы мне не терпеть.

Цзянь Фу: «...»

Когда все получили документы, ребята почувствовали небывалое облегчение. И только Цэнь Сяо предстояло через неделю пройти испытания Девятого района.

При мысли о следующей неделе улыбка на лице Ли Жуна начала медленно угасать.

Цзянь Фу хлопнул себя по лбу:

— Точно! Брату же еще в Девятый район поступать.

Цзи Сяочуань, которая была не в курсе, спросила:

— Девятый район... что это?

— Место, куда чертовски трудно попасть, но где сосредоточена огромная власть, — вздохнул Цзянь Фу. — Каждый раз, когда там проходят проверки, у моих родителей голова кругом идет.

— Значит, Цэнь Сяо... будет и учиться, и работать одновременно? — уточнила девушка.

Цэнь Сяо обвел взглядом присутствующих и спокойно ответил:

— В Девятом районе всё устроят. Буду чуть сильнее занят, вот и всё. В конце концов, те, кто не умеет распоряжаться своим временем, там не задерживаются.

Линь Цинь тихо спросил:

— Если ты туда попадешь, сможешь помочь старосте узнать правду?

Ли Жун и Цэнь Сяо синхронно промолчали. Они переглянулись, не зная, что ответить. Попасть в Девятый район — значило оказаться под началом Хань Цзяна. А совсем недавно они получили подтверждение, что Хань Цзян тесно связан с Лю Таньчжи. Какую роль он играл во всей этой истории — оставалось загадкой.

Ли Жун почувствовал укол вины. В будущем трудный путь ждал не только его на факультете биохимии, но и Цэнь Сяо, которому предстояло работать под самым носом у Хань Цзяна. Тот не имел никакого отношения к бедам его семьи и вовсе не обязан был во всё это ввязываться.

Но Цэнь Сяо сказал: «Можешь использовать меня как пожелаешь». Он сказал это и именно так и поступал.

Ли Жун глубоко вздохнул и торжественно произнес:

— Возможно, сейчас нам повезло одержать несколько побед, но это лишь потому, что враг нас недооценил. Полностью сокрушить ту группу, которая всё это спланировала, будет невероятно трудно. Поэтому я прошу вас: берегите себя. Ради ваших близких и ради того, чтобы мне не пришлось мучиться от вины.

Он повернулся к Цэнь Сяо. Его веки дрогнули, он слегка поджал губы и тихо позвал:

— Цэнь Сяо... — он замолчал на несколько секунд, словно пытаясь справиться с нахлынувшими чувствами, и лишь затем выдохнул: — Ду Минли очень силён. Будь осторожен. Береги себя.

Он знал, на что способен Ду Минли. Он знал, что именно Ду Минли в свое время сверг Хань Цзяна. Этот человек был мастером в сборе улик и ведении подковерных игр. А связь Цэнь Сяо с ним, Ли Жуном, была самой уязвимой точкой. Сейчас эти слова могли выдать слишком многое, но ему было уже всё равно. Если сразу после перерождения он еще мог без зазрения совести использовать Цэнь Сяо, то теперь — больше нет.

Когда в сердце поселяется тревога за близкого, никто не может остаться беспристрастным.

Цзянь Фу слушал их в полном недоумении.

— А Ду Минли-то еще кто такой?

Он умел мастерски скрывать свои чувства, но Цэнь Сяо всё равно уловил в его голосе нотки беспокойства.

Тот негромко рассмеялся и наклонился к самому уху Ли Жуна, почти касаясь губами его мягкой мочки. Засунув одну руку в карман, он слегка наклонил голову и прошептал так, чтобы слышал только он:

— Если в будущем и найдется тот, кто сможет сокрушить Ду Минли, то этим человеком буду я.

Он мгновенно что-то осознал. Он резко схватил Цэнь Сяо за руку и повернул голову, вглядываясь в его совершенно спокойное лицо.

<http://bllate.org/book/15351/1436858>